

ШАПКИНСКИЙ ЛЕС

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.
В посаде, куда ни один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
- Не тот это город и полночь не та.

Б. Пастернак. «Метель»

Дмитрий Иванович Бибииков давно мечтал съездить в Шапкино. Он знал Шапкинский лес настолько хорошо, что для него не составило бы труда нарисовать карту всех лесных дорог и тропинок.... В сумерках, споткнувшись о корягу, он мог точно сказать о какую... Он часто вспоминал этот лес, с которым у него был связан лучший период его жизни, когда разочаровавшись в профессии, в женщине, в себе, он сел на поезд, доехал до станции Шапкино, примерно в полутора часах езды от Москвы, прошел по лесной дороге до деревушке, про которую ему говорили знакомые, отдыхавшие там в прошлом году, и остановился в домике на краю леса.

Была осень, дачный сезон закончился, и пожилые хозяева охотно сдали ему комнату на неопределенный срок. В доме была печка, и хозяева жили там круглый год. Хозяин был грузин по имени Габрон Григорьевич- отставной полковник, работавший когда-то в ракетных войсках, а теперь целиком погруженный в совершенствование своего приусадебного участка :

строительство подсобных помещений, выращивание, или, вернее, попытки выращивания южных растений, еще какие-то виды хозяйственной деятельности, от которых Дмитрий Иванович, скажем прямо, был очень далек. Хозяйка- Елизавета Евграфьевна старалась всячески угодить энергичному, темпераментному и, Слава Богу, непьющему мужу. На ней лежала забота о курах, козе и двух поросятах. Был у них взрослый сын, живший в Ленинграде со своей семьей, которую с весны до осени привозил к родителям... Хозяева были люди добродушные и достаточно интеллигентные, чтобы понять, что новый жилец ищет покоя и уединения и не приставать к нему. В результате у них установились весьма доброжелательные и в меру дистанцированные отношения, что было бы, скажем, значительно проблематичнее, окажись хозяином русский человек, любящий нет- нет да и заложить за воротничок, а потом рассказывать новому человеку свою жизнь, предполагая, естественно, что тот ответит тем же.

Дмитрий Иванович работал в научно- исследовательском Институте, занимавшимся моделированием различных экономических проектов, мог работать дома, чем и пользовался, живя в деревне и наезжая в Москву раз в неделю, а то и в две недели. Неспешная жизнь на природе, прогулки по осеннему лесу, необременительное общение с хозяевами и кое с кем из соседей, привело к тому, что он погрузился в некое полусонное состояние, в котором со временем стало проступать ощущение выздоровления и возврата к жизни. В

конце концов, он был молод, ему было двадцать восемь лет, и жизнь, которая еще пару месяцев назад казалась конченной, начала постепенно манить и притягивать к себе.

Тем временем легла зима. Дмитрий Иванович, еще живя в Москве, увлекался лыжными прогулками. Но тогда для того, чтобы попасть в лес, ему надо было добраться до метро, проехать несколько остановок, выйти на вокзальную площадь... (Не буду описывать этот путь- уверен, он хорошо знаком многим читателям.) Здесь же он становился на лыжи прямо за калиткой, и сразу же перед ним открывался Шапкинский березняк.

Лыжников в Шапкине было немного, и лыжню, как правило, приходилось прокладывать самому. Постепенно это занятие всерьез увлекло его. Он стал размышлять над тем, как можно напрямую пройти от калитки до гнутой березы, что росла километрах в двух от дома, и как потом от этой березы, не делая зигзагов, выйти к « Овражку лесных диковин», прозванному так потому, что туристы соорудили из веток и корней разные сказочные персонажи. И, хотя это было давно, и в заснеженных корягах и торчащих палках с трудом можно было опознать Бабу-Ягу или Жар-Птицу, но название сохранилось и служило надежным ориентиром... « Как до « Овражка » дойдете- держитесь просеки, что идет направо и ,никуда не сворачивая, километра через три выйдете к « Студенцам»...ну а там уж до станции- рукой подать »...Но Дмитрий Иванович не шел к Студенцам: от овражка он брал левее, « под елочку», и клал свою

лыжню напрямик до водораздела, чтобы потом катиться по длинному спуску к большой поляне, именуемой футбольным полем... «Чтобы потом катиться»- легко сказать. А сколько труда стоило этот спуск проделать, расчистить, выровнять... Ведь при хорошем скольжении под конец так разносило, что не дай бог зацепить за какую - ни будь ветку или корягу- костей не соберешь! Но зато как великолепно было вылетать на поляну, как захватывало дух, как колотилось сердце!... От поляны лыжня спускалась к замерзшей речушке, и от нее начинался второй рукав ведущего к дому «малого круга», как его обозначил Дмитрий Иванович. Помимо малого- примерно двенадцати километрового, был еще большой круг- километров этак на двадцать пять. Приблизительность эта не удовлетворяла Дмитрия Ивановича, и он планировал, что по весне, когда подсохнет, проедет на велосипеде со спидометром эти маршруты и будет точно знать на каком километре, выезжая из ельника, чуть не натолкнулся на лося, который стоял на просеке. «Лосиный поворот»... Он считал, что до него километров шесть, но Габрон уверял, что, судя по описанию- все восемь... Впрочем, Габрон, как было уже сказано, интересовался в основном хозяйством и строительством, был человек не лесной и доверять в этих вопросах ему не следовало.

Постоянно в Шапкине жили одни старики, которые лыжными прогулками особенно не интересовались, но приезжавшие к ним на выходные дни родственники, быстро оценили проложенные Дмитрием Ивановичем лыжни,

стали охотно ходить по ним, кое что подправляя и выравнивая...« Ходил я, Дмитрий, вчера по твоему малому кругу, ну и напартачил же ты там в ельнике-как заяц петлял...Я уж, что мог, спрямил. Пойдешь- посмотришь» Говорил ему Борис, работавший инженером в Москве на Электростали и приезжавший с пятницы по воскресенье с женой и сыном к матери, жившей через два дома от Габрона.

Другой сосед окрестил проложенные маршруты, Большой и Малой Дмитровкой и с удовольствием докладывал, что по тому участку лыжни, что по над речкой идет, повадились ходить кабаны и, видимо, неподалеку у них лежка, потому что, когда он пропилил осину, которая легла поперек спуска к речке, то слышал справа топот и, хотя самих кабанов не видел, но наверняка это были они, и он их спугнул, когда отбрасывал в кусты отпиленный кусок.... « А спуск получился, скажу я тебе, отменный ! »

Так вот и проходила эта зима... Лучшая, наверно, зима в жизни Дмитрия...Ивановича.

14- го марта Дмитрию исполнилось 29 лет. Это был будний день, и он отметил его в Москве с родителями и сестрой, но уже в субботу был в Шапкине, где Габрон Григорьевич поставил на стол бутылку красного вина Тбилисского разлива, Елизавета Евграфьевна испекла пирог с грибами...« Свои грибочки-то, сама собирала по краю ельничка, где у тебя лыжня проходит »... а Борис поднял тост за эту самую лыжню, которая тянется как струна сквозь леса и

овраги и ничто ей не преграда: дерево упадет- спилим, лось выйдет- по рогам его- не перегораживай дорогу, и пусть лыжне этой конца не будет. Ура! »

Наступил Апрель, но снег в лесу еще кое- где лежал. Дмитрий ходил на лыжах пока была еще хоть какая- то возможность. А когда возможности пройти весь маршрут уже не стало- снимал лыжи и шел в ботинках до тех участков лыжни, которые проходили в ельниках, где снега было еще навалом. Потом уже и в ельнике днем снег начал раскисать, и идти по нему стало неинтересно. Тогда Дмитрий устраивал лежку: наламывал ельника, клал сверху для запаха прутья кустарника и загорал на весеннем солнышке, дожидаясь пока оно начнет прятаться за вершинами деревьев и вечерняя прохлада принесет скольжение.

Однажды, он устроил лежку на южном пригорке, недалеко от того места, где лыжня спускалась к низине у реки. Солнышко уже припекало, и он так разнежился на своем пахучем настиле, что задремал, а когда проснулся, то почувствовал, что уже очень свежо и надо быстро двигаться, чтобы не простудиться. Он перебрался через речушку, залез на крутой северный склон и пару раз скатился по оставшемуся там снегу, уже схваченному вечерним холодком. Он решил для себя, что этот последний спуск будет прощанием с зимой, со своей лыжней, а, как знать, может и с Шапкинским лесом, который ему придется покинуть, потому что к хозяевам скоро должны будут приехать родственники из Ленинграда.

Дмитрий стоял в низине около речки и смотрел на угасающую над лесом

полоску света, оставленную скрывшимся за горизонтом солнцем. Он уже собрался было идти, как вдруг его внимание привлек какой-то странный гортанный звук, который словно бы наплывал на него. Он поднял голову и понял, что этот звук издает птица, которая летит мимо него над речкой. Птица летела низко, как бы подгребая крыльями, опустив голову с длинным как пика носом... Дмитрий не был охотником, в птицах разбирался не шибко, но понял, что это- вальдшнеп, а то, свидетелем чего он является, называется тяга.

Он постоял еще с пол часика и видел еще одного вальдшнепа, пролетевшего в другой части низины, «вне выстрела».

Вернувшись домой, он рассказал Габрону, что стоял на тяге и будь у него ружье мог бы вернуться с трофеем. Но на того рассказ этот не произвел никакого впечатления. «Экая невидаль,- сказал он- да эти долгоносики у нас тут над крышами по вечерам летают... Только кто на них охотиться будет- кому они нужны. Вот я - молодой был, в горах на козлов охотился. Такие, знаешь, с рогами. Вот это дичь! А это...» И махнув рукой, в знак пренебрежения к вальдшнепам, он пошел сливать из канистры воду, поскольку предупреждали, что ночью могут быть заморозки.

В Мае Дмитрию пришлось чаще обычного ездить на работу, поскольку перед летом надо было закончить кой- какие дела, а в конце месяца и вовсе собрался перебираться в Москву. В Шапкино должны были приехать сын и невестка с детьми, которых оставляли на лето в деревне, и, хотя хозяева уговаривали

Дмитрия остаться и уверяли, что места хватит всем, он хорошо понимал, что с приходом детей жизнь « У Габрона» (так он именовал среди знакомых свое Шапкинское убежище) потеряет привычный уют. Он обещал хозяевам, что осенью снова приедет к ним, и сам твердо верил, что ничто не сможет помешать в будущем году состояться еще одной шапкинской осени, зиме и весне.

Но, судьба распорядилась иначе.

2

Шел 88-й год, принесший существенные изменения в содержание прилавков, кошельков и понятий многих людей. Взять хотя бы такое понятие как рынок: для большинства москвичей это слово обычно употреблялось в сочетании Усачевский, Тишинский, Даниловский или еще какой- то рынок, и означало толкучку, гвалт... Не ори, не на рынке... неразбериху... Короче говоря, - место, где, конечно, можно было что- то ухватить подешевле, а иногда и по- лучше, но в то же время, несомненно, что- то убогое и примитивное в сравнении с государственными магазинами, с их пристойными полупустыми прилавками. И вдруг, в одночасии, выяснилось, что рынок- это и есть основа жизни общества, наиболее совершенный способ организации его хозяйства, что бабки за прилавками и есть носители самой передовой, самой справедливой формы распределения благ, ибо движет ими не плановая экономика, выдуманная

лунатиками и бюрократами, но сама природа, творящая суд и справедливость, через неумолимые законы рынка.

Конечно, для многих обывателей такой поворот дела был полной неожиданностью...для многих, но не для Дмитрия, хотя и он не ожидал ничего подобного, но по роду своей деятельности оказался значительно ближе чем многие другие к грянувшим переменам.

Его деятельность, как уже сказано, была связана с некоторыми экономическими проектами, которые ранее не могли быть реализованы и до 88-го года являлись абстракциями, имевшими мало отношения к жизни и, соответственно, весьма скудно оплачиваемыми. Достоинством их было только то, что они не требовали ежедневного присутствия на работе, допускали работу дома, что и дало возможность состояться Шапкинской осени, зиме и весне.

Но в 88-м все переменялось: скромный НИИ, в котором работал Дмитрий, превратился в своего рода мозговой центр набиравшей силы перестройки и еще не ставших реальностью, но уже явно обозначившихся рыночных отношений.

« Яму нельзя перепрыгнуть в два прыжка ». Так или примерно так гласил заголовок одной из статей того времени. Ясно, что прыгать надо было быстро, не теряя времени на пустые размышления о том, что будет потом.

Таким образом, Дмитрий и его коллеги неожиданно оказались крайне (вошедшее в моду словечко) востребованными. Реализация разного рода

проектов, которые раньше не могли быть превращены в реальность, принятие экстренных решений, разъезды в неожиданные регионы в связи с новыми деловыми контактами - это и многое другое в корне переменяло темпы и весь стиль их жизни.

Нельзя сказать, чтобы эта деятельность была бы Дмитрию очень по душе. Будучи человеком скорее созерцательного чем деятельного склада, он в душе тяготился свалившимися на него возможностями и обязанностями. Но в то же время, будучи человеком разумным, понимал, что упустить представившийся шанс, было бы глупо. К тому же не будем забывать, что это было время великой иллюзии, и что даже лучшие умы...и т. д., и т. д.

Нет надобности говорить, что кривая его благополучия настойчиво поползла вверх: казалось еще недавно он ходил в Шапкине на деревянных лыжах, а пластиковые считал ненужной роскошью. Не то теперь: за какие-ни будь пол года он уже сменил две машины, и возможность пересест на иномарку казалась реальной и соблазнительной.

Но не только это. В конце концов, для человека важнее всего личная жизнь, а для молодого мужчины это значит - отношения с женщинами. Так вот, и на этом фронте в жизни Дмитрия произошли перемены. Женщина, заставившая его страдать и бывшая одной из причин бегства в Шапкино, вышла замуж. Это известие было болезненным, но не слишком, ибо Шапкинской лес уже стоял между ними.

Свято место в его душе не долго оставалось пусто, и в него вошла другая женщина, а следом за ней с интервалом в два года девочка и мальчик . Таким образом, подойдя к середине земного пути, Дмитрий обладал всем, что может пожелать разумный человек: интересная работа, здоровье, семейное благополучие и растущее богатство. Единственно чего ему не хватало, так это времени, того самого времени, которого несколько лет назад у него было хоть отбавляй и которое он заполнял тоской, скитаниями и прокладыванием маршрутов в Шапкинском лесу.

Он много раз собирался съездить в те места, навестить хозяев, пройти хотя бы по малому кругу, но времени не было. На то, чтобы съездить в командировку в Америку- было, на то, чтобы провести с женой и детьми две недели в Хорватии- было, а на Шапкино, увы, не хватало.

Впрочем, в каком-то смысле, ему и не надо было туда ехать: Шапкинский лес с его тропинками и овражками, с его ельниками и березняками, с медуницей, ландышами, сороками, вальдшнепами- сам, то и дело, приходил к нему.

Вот сидит он на совещании, и вопросов так много и все они такие важные, что кажется нельзя будет выйти из кабинета, не поставив все точки над и. А он вдруг чувствует, что зацепил ногой за какую- то корягу, хотя он, кажется, недавно прошел здесь с пилой и расчистил всю эту лыжню...Если разогнаться и на эту корягу налететь- костей не соберешь...А сосед толкает его в бок.

- Дим, ты задремал что ль?

- Да нет, размышляю.

- Да, тут есть над чем поразмыслить.

И поразмыслить действительно есть над чем. Ведь эта коряга так глубоко в землю ушла, что просто руками ее не вытащишь, а за пилой идти неохота... А если лыжню чуть левее положить?...

Так что, в сущности, лес этот всегда был с ним, всегда был в нем, и он знал, что пока он есть, пока тропинка тянется вдоль овражка, и там на южном склоне недалеко от гнутой березы находится лежка, где можно переждать пока станет прохладнее и двигаться дальше- пока все это есть, он может не бояться потерять себя в командировках и заседаниях.

.....

И все- таки однажды ему удалось выбраться в Шапкино. Это было в 95-м году и произошло не совсем так, как он планировал. Начать с того, что в мыслях он всегда ехал туда на электричке. Если в вагоне удавалось сесть , читал и всегда боялся проехать свою остановку, что, кстати, случалось не однажды... Выходил из вагона, спускался по ступенькам с платформы, переходил железнодорожные пути, останавливался посмотреть- не сошел ли кто- ни будь из знакомых и после этого, углублялся по тропинке в лесок... Таким он представлял себе этот приезд и сейчас, но сложилось все как- то иначе. Дело в том, что на работу он ездил на машине- пришлось бы возвращаться домой,

ехать на вокзал... расписания у него не было, жена обещала узнать, но забыла...

Короче говоря, он решил ехать на машине, поскольку это было проще и удобнее.

По Ново-Рижскому шоссе он без труда доехал до поворота к станции и подумал как это, в сущности, быстро и просто, и...стоило столько лет тянуть?

Он слышал, что около станции идет большое строительство и не удивился тому, что вместо лесочка и луга, где обычно паслась рыжая корова и пестрый теленок, тянулся забор выше человеческого роста. Картина эта конечно неприятно поразила, но к такого рода переменам пейзажа Дмитрий был уже достаточно привычен. Он доехал до Шапкинского березняка, повернул налево и по грейдерной дороге поехал по краю деревни, которая по крайней мере на первый взгляд особенно не переменилась. Он остановил машину на краю березняка и по хорошо знакомой дорожке, где когда-то начиналась его лыжня, прошел к дому и подергал калитку.

Собак Габрон никогда не держал и считал это дурным тоном. «Ты к другу приходишь, а на тебя собака кидается - говорил он- у нас так не принято». И сейчас на Дмитрия никто не кинулся, хотя на соседних участках собаки лаяли, и видимо на их лай на крыльце появился сам хозяин.

...Грустное это было зрелище...Всего каких-то семь лет... Он показался Дмитрию сильно постаревшим, осунувшимся...Небритая щетина на лице изрядно поседела. Но главное было даже не это: главное было то, что на

перевези около пояса висела бутылочка, и запах урины чувствовался на расстоянии.

Он узнал Дмитрия сразу и сразу оживился и помолодел.

- Это кто же к нам приехал! И дорогу не забыл? Заходи, заходи, дорогой.

Меня ,видишь, тут немного прихватило: с бутылочкой хожу, и там не Хванчкхара... Впрочем, настоящей Хванчкхары сейчас и в Грузии не сыщешь, разве что в Тбилиси. Да ты не три ноги: мы паркет давно не натирали, ха- ха-ха. Лизавета, иди сюда, смотри, кто к нам приехал.

В соседней комнате послышалось кряхтенье, и на порог выползла хозяйка...Картина еще более удручающая...Видимо, ей было трудно двигаться, потому что она держалась за косяк. Серые патлы торчали во все стороны, мятое платье висело как балахон. Она улыбалась, но Дмитрий почувствовал, что она не узнает его, что вскоре и подтвердилось.

Сели за стол. Габрон пытался оживить беседу.

- Ну как же ты Дмитрия не помнишь? Лыжни он у нас тут все прокладывал.

- Да я ведь на лыжах- то уж давно не хожу. И молодой- то была...

- Да ты- то не ходила, но разговоры- то слышала.

- Да что разговоры...Ты угости гостя. Вы сами- то из Москвы или?...

- Да Москвич он, возле Красных ворот живет. Мы же с тобой заезжали к нему, когда в Ленинград ездили. У них в прихожей, как сейчас помню, лосиные рога висят. До сих пор висят?

- Висят, висят.

- Ну вот видишь, я все помню, а у нее с памятью после инсульта немного того.

Так вот Дмитрий узнал, что у Елизаветы Евграфьевны два года тому назад был инсульт.

Пили чай с печеньем.

- Неплохое печенье. Это сын из Сант...Сакт...тьфу черт, не выговоришь...из Ленинграда привез.

Лизавета разжевывала печенье.

- Может и неплохое, только мне жевать- то нечем...А я вас сейчас припоминаю. Ведь вы без жены были? Один?

- Ну да.

- Помню, помню. Такой грустный все ходили. Что же и сейчас один?

- Нет, сейчас полный комплект: жена, двое детей.

- А что же с собой не взяли?

- Ой, да ведь я, можно сказать, почти случайно заехал. Времени немножко свободного оказалось, дай думаю, старых друзей навещу.

- Правильно сделали. Приезжайте почаще, а то ведь не ровен час...

- Да не каркай ты. Вот меня немножко залатают, и мы с Дмитрием по осени за грибами сходим.

-Да кто тебя теперь залатает...

Может быть печенье было и неплохим, но вставало у Дмитрия поперек горла. И все из-за этого подлого запаха, от которого его уже начало мутить. К тому же он чувствовал, что, хотя Габрон и хорохорится, разыгрывая гостеприимность, хозяевам этот прием в тягость. Поэтому при первом удобном случае он встал.

- Мне уже пора ехать. Спасибо вам, не болейте. Скоро приеду за грибами. А пока хочу немного по лесу пройтись. Вспомнить.

- Походи, походи. Лес пока еще стоит. Кругом тут понастроили, но лес еще цел.

Дмитрий вышел из дома и вздохнул с облегчением. Он хотел пойти по дорожке, которая вела в березняк, но вспомнил, что обещал жене забрать из мастерской видеоманитофон. « Конечно, это можно сделать и завтра... нет, завтра не получится, а потом выходные... мастерская кажется до девяти, а сейчас- шесть. Так что, если в хорошем темпе...»

Но разве, приехав в Шапкинский лес, имело смысл спешить? Дмитрий сразу откинул эту мысль. Нет, он приедет сюда на весь день, он погрузится в лес, как погружался в него в былое время, и лес растворит в своей листве, в своей прохладе, смуту, которая накопилась в его душе за последние годы, как когда-то растворил любовные переживания и неудовлетворенность собой.... Вот он- этот березняк! А, если пройти сквозь него, то направо пойдет дорожка, которая спустится в овраг к мостику через ручей... Дмитрий увидел ручей, мостик,

тропинку, которая поднимается по другому склону оврага и ему вновь стало хорошо. «Только не надо откладывать... В ближайшее время...» Так он решил.

Но это ближайшее время представилось лишь через три с лишним года.

3

Дмитрий выбрал осенний день похожий на тот, в который он первый раз попал в Шапкинский лес. Последняя неделя Октября. По радио сказали, что во второй половине дня возможен небольшой дождь, но пока на улице было ясно и тепло. Он поехал по Москве, постоял в пробках, сделал кой-какие намеченные на этот день дела и был готов к путешествию в прошлое.

Он снова подумал было о том, что хорошо бы поехать на поезде и повторить весь пройденный когда-то путь, но мысль о толкотне в метро, от которого он уже порядком отвыл, о переполненной электричке, о том, что у него нет расписания поездов, оттолкнула его. К тому же он слышал от кого-то, что платформу то ли перенесли, то ли не все поезда на ней останавливаются... Короче говоря, повторения пройденного могло бы не получиться. Но главное было то, что Дмитрий *уже сидел* в машине, она *уже ехала* по Ленинградскому проспекту и до поворота на Рижское шоссе было уже недалеко.

Дорога от поворота с шоссе до деревни была Дмитрию знакома по прошлой поездке, и он с удовольствием отметил, что участок, где тогда он чуть не

забуксовал заасфальтировали и добраться до деревни можно было без проблем. « До деревни »...Он машинально произносил это , хотя то мимо чего он ехал, мало напоминало деревню в привычном понимании слова : высокие заборы, бревенчатые срубы, кирпичные особняки, между которыми нет- нет да попадались старенькие домишки, некоторые подреставрированные, а некоторые откровенно разваливающиеся...асфальтированные подъезды к железным воротам, телевизионные тарелки... Впрочем, нельзя сказать, что эти перемены производили на Дмитрия большое впечатление: во- первых он уже был здесь, а во вторых- и это главное- они были столь обычны для подмосковного пейзажа, что не поражали воображение. Но лес!...По правую руку тянулся прекрасный Шапкинский березняк, и казалось время не властно над ним. У Дмитрия было ощущение, что он едет по берегу моря, где когда- то были песчаные дюны да сосны, а теперь стоят отели и особняки. Но море!...

Он проехал в конец забора, в то место, где дорожка поворачивала к дому Габрона и остановил машину. Он заранее решил, что не пойдет к хозяевам - слишком неприятным был прошлый визит, да и не за этим он приехал. То за чем он приехал было перед ним, и было оно таким же близким и притягательным как во время их последнего свидания весной Бог знает какого года.

Дмитрий вышел из машины и немного постоял. Кругом была тишина: грохота машин не было слышно, и это было приятно, но не было слышно ни мычания коровы, ни крика петуха, ни даже лая собаки - и это было жаль. Однако, все

искупал запах: живительный запах осеннего леса.

Он не спеша двинулся по дороге, той самой, по которой когда-то проходила его лыжня. Небольшой ветерок гулял в вершинах берез, и ему вспомнилось Цветаевское обращение к деревьям: ...Что в вашем вееньи? Но знаю лечите обиду времени прохладой вечности...Обиду времени ...Действительно, все сложилось как-то не совсем так...Благополучно, значительно более благополучно чем можно было предположить, но... как-то не так...

Он вышел на большую поляну и поразился тому, насколько ничего в ней не переменялось...Вот там, под кустиками он нашел три великолепных белых гриба, а вон в той низинке всегда держалась вода, и он, переходя ее весной на лыжах, провалился под лед, впрочем, всего лишь по щиколотку, что было совсем не страшно, поскольку до дома было рукой подать.

Дмитрий перешел поляну и пошел по дороге. У ее начала, перегораживая дорогу, лежало дерево. «Дерево отчаяния»- так он его когда-то назвал.

Это было вскоре после его приезда в деревню, в одну из первых прогулок в Шапкинский лес. Он тогда немного заблудился, гуляя по незнакомому лесу, приустал и, может быть, поэтому вся его жизнь представилась ему в особо мрачном свете: испортил жизнь женщине, занимается делом, которое никому не нужно и никуда не приведет, почти тридцать лет прошли впустую, а что впереди? Он сел на поваленное дерево, которое преграждало дорогу и закрыл лицо руками. Хотелось ни о чем не думать, ничего не чувствовать - просто

плыть в этом унынии, неважно сколько времени и к каким берегам... Неподалеку вспорхнула птица, упали капли дождя, Дмитрий открыл глаза и увидел, что в конце дороги, у поляны стоит лось. Он приподнялся, чтобы рассмотреть зверя, лось не спеша двинулся вглубь леса, и Дмитрий тоже побрел восвояси.

Потом, уже в значительно более бодром состоянии духа, перешагивая через это дерево, он окрестил его «древом отчаяния», в память о мрачных минутах, которые на нем провел.

Вот и теперь оно лежало там же и по-прежнему преграждало дорогу... Правда, то дерево было березой, а это сосной, да и лежало оно несколько дальше, но это как- бы не имело особого значения: по сути ничего не переменилось.

Он прошел еще с пол километра, зная, что вскоре налево пойдет просека, которая выведет его к овражку лесных диковин... Однако, никакой просеки не было. Возможно, она заросла кустарником, или он еще не дошел до нее... или уже прошел?

Правда, вскоре Дмитрий обнаружил поворачивающую налево дорожку, но шла она совсем не под тем углом, который был нужен - слишком уж влево, и он решил, что при первой же возможности возьмет по- правее. Но дорожка шла без всяких ответвлений, и Дмитрия поразило, что лес кругом был какой- то через чур густой, заросший, нечищенный, нехоженный: ни тропинок, ни полянок,

ни просек...какой- то чужой лес.

Он решил, что пройдет еще небольшой отрезок и наверняка выйдет на место, которое узнает и сможет сориентироваться. Он прошел еще метров двести и вышел к...пруду.

Это было полной неожиданностью: уж что- что , но пруду здесь взяться было неоткуда...Впрочем, за столько лет могли, конечно, и вырыть...Пруд, действительно, был искусственный, с берегами, выложенными гранитными плитами. Вырыли его, видимо, довольно давно поскольку плиты успели потрескаться и между ними торчали пучки травы. Наверно когда то здесь купались : видны были даже ступеньки, спускавшиеся к воде, но и это тоже было давно, поскольку сейчас вода зацвела, и не было впечатления, что пруд кто- ни будь чистит. Удивительно было то, что вокруг не было видно ни одного живого существа: ни человека, ни птицы, ни даже лягушки.

Дмитрий задумался, с какой стороны обойти этот водоем и решил взять поправее. Он углубился в лес по тропинке и метров через 20 вышел к темнозеленому в два человеческих роста забору из гафрированного железа без единого отверстия- непроницаемому, уходящему в лес насколько глаз хватало . Тропинка тянулась между забором и водоемом и Дмитрию ничего не оставалось как двигаться по ней, хотя ему хотелось бы свернуть вправо, поскольку, по его соображениям, там должна была проходить вторая петля его большого круга.

Пруд закончился, а забор и тропинка повернули- таки направо, но ничего, хоть сколько- ни будь напоминающего знакомые места, Дмитрий не увидел. Правда, молодой лесок за прудом напоминал ему место, где он собирал подосиновики и вспугнул тетерку, но деревья за это время должны были вырасти, а овраг за ними не мог же так просто взять и исчезнуть. Нет, это было не то место... Петля, правда, здесь проходила, но это была асфальтированная петля. Она начиналась справа в лесу и, огибая водоем, уходила куда- то в неизвестном направлении.

Памятуя, что надо держаться правее, Дмитрий пошел по асфальтированной дорожке и метров через триста пришел к красному кирпичному забору с черными металлическими воротами.

Неподалеку от ворот валялись доски, еще какой -то стройматериал, и на них сидели три здоровых парня: один курил, а двое других глазели вокруг, держа в руках бутылки с пивом. Дмитрий подумал: не спросить ли их, куда это он, собственно, забрел?..

В те годы, когда он бродил здесь, к нему часто обращались с подобными вопросами, и он охотно и детально объяснял до какой просеки дойти, где свернуть и какой там будет ориентир. Гуляющие в этих местах туристы как- будто сразу чувствовали, что он, именно, тот человек, который поможет им сориентироваться, чувствовали и не ошибались...И вот теперь он сам оказался в роли человека, которому надо было спрашивать как пройти...ну к примеру к

Студенцам. Но зачем ему было туда идти?

Да и было в этих парнях, как и во всей ситуации, что-то, что удержало Дмитрия от того, чтобы вступить с ними в контакт. Ему совсем не захотелось показывать, что он, в сущности, заблудился, что кроме них кругом нет ни одной живой души, и, хотя рядом дома, и через калитку в воротах видна улица, все это почему-то не производит жилого впечатления. Дмитрию показалось, что ребята посматривают на него и о чем-то переговариваются. Он вспомнил вдруг, что у него в кармане крупная сумма денег, которую он взял, чтобы вечером завезти нужному человеку. Он подумал также о том, что одет слишком по-городскому, что отправляясь в лес, следовало бы одеться соответственно и не выглядеть так, как будто ты только что вышел из какого-то учреждения... ну, к примеру, из банка и заблудился. «...Все некогда, некогда...идти гулять в лес с такими деньгами...никогда ты ничему не научишься», начал он корить себя.

« Но ведь это же твой лес», услышал он и не нашелся, что ответить.

Дмитрий шел по улице между красными кирпичными особняками за высокими заборами, чрезвычайно похожими друг на друга и казалось необитаемыми. « Может быть этот жилой, или вернее нежилой, массив построен, но еще незаселен?- подумал он -или обитатели этих домов приезжают только на выходные?...Едва ли».

Как бы в ответ на эти его мысли, из-за поворота вдруг появилась черная машина и бесшумно поплыла на Дмитрия. Она напоминала огромного,

неизвестно откуда взявшегося, жука, готового, кажется, в любой момент подняться и исчезнуть также внезапно как и появился. Дмитрий посторонился, и машина с затемненными стеклами такая же непроницаемая как и окружающие строения, проплыла мимо. Ворота в конце улицы автоматически открылись, пропустили машину и закрылись за ней. Дмитрий пошел дальше, к другому концу улицы, где так же были видны ворота и в них калитка.

Когда он вышел из ворот, то перед ним открылась широкая просека, или скорее даже вырубка, поскольку кругом были видны выкорчеванные и невыкорчеванные пни, спиленные деревья и собранные в кучи ветки. Он попробовал сообразить в каком же направлении тянется просека, но со всеми этими заборами, водоемами, улицами- так закрутился, что не мог понять- где восток, где запад и где Шапкино.

Он вспомнил, как однажды, прокладывая лыжню, спозднил и потерял направление. Но зимнее небо тогда было ясным и Большая медведица сразу помогла ему найти правильный путь. Сейчас же, небо заволкло, все кругом было одинаково серо, и он мог только предположить, что просека идет на юг или на юго-запад.

Дмитрий прошел по просеке метров сто и, оглянувшись, увидел, снова тех трех парней, которые стояли теперь уже у ворот, из которых он вышел, и явно смотрели ему вслед. « Значит, они шли за мной », подумал он и вспомнил про деньги, про свой нелепый городской костюм, про то, что кругом ни живой

души, и ему стало не по себе. Надо сказать, что Дмитрий не был трусливым: он не боялся ни леса, ни темноты, ни встреч с дикими зверями, но был он впечатлителен, а разговоров о нападениях на бизнесменов, (недавно появившаяся категория людей, к которой его стали причислять), о грабежах, увечьях и даже убийствах было кругом хоть отбавляй. Он решил идти, не оглядываясь и при первой же возможности свернуть неважно куда: налево или направо. Он прошел еще какое-то расстояние, но ни тропинки, ни поворотов не было. Можно было только свернуть в лес. Он было собрался это сделать, когда вдруг услышал позади себя хруст сучьев, быстрые приближающиеся шаги и, обернувшись, увидел, что один из парней идет прямо на него. Парень опустил голову, так что выражения лица не было видно, но зато было ясно видно другое- в руке у него был топор.

В голове Дмитрия пронеслись инструкции, которые он когда-то слышал: никакого сопротивления, сразу все отдать... Но как этот бандит себя поведет? Зачем топор?

Он прислонился к дереву- это был клен- машинально сорвал лист и стал его рассматривать... Парень поравнялся с ним, буркнул «Здрассте» и, не меняя темпа, пошел дальше по просеке....

Дмитрий стоял как оплеванный. Все внутри было спутано и мерзко... Он заблудился... Город Зеро... Дорога в никуда... И все же, вместе с тем, он чувствовал облегчение...облегчение и безразличие: а, да ни все ли равно куда

идти...выйду куда- ни будь. Ему показалось что где- то вдали слышится шум дороги, и он решил идти на этот шум... Главное держать направление- не начать петлять. Этот урок неоднократно преподавал ему его Шапкинский лес. Наверно он подходил и к этому незнакомому лесу.

Моросил дождичек. Он шел через перелески, овражки и полянки, которые вдруг начинал узнавать, но в следующий момент понимал, что это совсем не те места, через которые проходили его маршруты и убеждался в том, как обманчиво это узнавание и как, в конце концов, все перелески, овражки и полянки похожи друг на друга, и как важно не поддаваться соблазну и не свернуть вон на ту «знакомую» просеку, которая уведет его от, слава Богу, все приближавшегося шума дороги.

Он вышел на большую поляну, которая снова показалась ему знакомой, если бы не грива берез, которых он наверняка никогда не видел, начал обходить березы и вдруг провалился в болотце, которое не заметил. Он чертыхнулся, стал осматриваться как выйти из этого болотца, и вдруг, с не оставляющей сомненья ясностью, понял, что находится ровно на той самой поляне, с которой начался его поход в лес. Более того, это было то самое болотце, в которое он провалился, прокладывая лыжню, той весной... Он стало быть вышел на поляну не с той стороны, с которой привык, а эти березы- те самые кустики, через которые проходила его лыжня.

Дмитрий огляделся. Если не считать берез, поляна нисколько не переменилась: вот сосны, вокруг которых всегда кружились вороны, вон дорога, на которой лежит «древо отчаяния»... Как же все это получилось? Может он с самого начала взял слишком лево... Он вспомнил, что еще в прежние времена слышал, что где-то там идет большое строительство и намеренно избегал эти места... Но, с другой стороны, он же сейчас все время старался брать правее и правее... Надо бы снова начать от «древа» и сразу забрать правее... Но не теперь... У вымокшего и уставшего Дмитрия не было никакого желания начинать все с начала. « В следующий раз разберусь- подумал он и тут же сам себе усмехнулся- лет через десять».

Теперь уже, не сомневаясь в направлении, он прошел по дорожке через лесок, окаймлявший поляну, и вскоре увидел забор и возле него свою машину. Рядом в машине стояли два человека восточного вида- один постарше , другой помоложе.

- Вот машину вашу сторожим- сказал тот, что постарше, дружелюбно улыбаясь.
- Давно уж стоим – сказал помоложе- Думали, может бросил кто- не нужна.
- Да не болтай ты. Мы строители тут... В лес ходили, гуляли?
- Ну да, решил навестить Шапкинский лес. Я когда- то жил здесь, кажется, все тропинки знал, а тут чуть не заблудился.

- Да, здесь много понастроили, но лес- то, вроде, пока цел...А почему ты его назвал Шапкинский?
- Ну а как же? Раньше его все так называли. Станция- Шапкино и деревня, на месте этого строительства,- тоже Шапкино ну и лес, соответственно,...
- А, вот что. Сейчас его так не называют. Разве что старики, да их тут раз и обчелся. И станцию...Как это сказать?
- Переименовали- подсказал молодой. -Вернули прежнее название.
- Ну да, вернули название. Шапкин этот, вроде, какой- то революционер что ли был. Сейчас называется Вознесенская или Воскресенская.. Точно не помню... Мы сюда на поезде не ездим: на автобусе привозят. Или на машинах...
- У кого они есть.
- Ну да, у кого они есть. Промок? Туфли бы лучше снять и печку включить.
- Да, сейчас так и сделаю. Ладно, счастливо...спасибо, что покараулили.
- Пожалуйста. Еще приезжайте, еще покараулим.

Дмитрий выехал на асфальт и двинулся к шоссе... « Неужто, надо было сразу правее брать? »...В этот момент заиграл мобильник, который он выключил, входя в лес, и включил, садясь в машину. Вопросов было сразу несколько и все очень срочные, так что Дмитрий настолько погрузился в разговор, что, выезжая на Рижское шоссе, вместо левого поворота, чуть не поехал направо. Уже порядком стемнело, и часто приходилось включать дальний свет...Да, хорошая

машина; скорость совсем не чувствуется, не то, что та семерка... Да, туфли наверное лучше снять... Главное, чтобы у Красногорска не попасть в пробку... Снова полились звуки Маленькой ночной серенады... Человек волновался насчет денег, которые ему должны были завезти. Дмитрий сразу вспомнил нелепую сцену на просеке, но не успел восстановить свои ощущения, как позвонила жена, которая волновалась- куда он пропал?... Пошел дождь, пришлось включить дворники... Не гони, не гони, и жена сказала- езжай аккуратнее... Возможно эта просека идет... У Звенигородского поста на обочине лежала перевернутая машина... Скользко, темно, рискованно... Хорошо, что у машины антиблокировочная система, да и резина высокого качества... Хорошая машина, не зря эти ребята ее охраняли, симпатичные ребята... Неужто Шапкин- это какой- то революционер. Вот уж не подумал бы... Надо будет все- таки еще разок съездить и сразу взять правее... Ну слава Богу- Пахра.

Машина взлетела на горку, проехала еще небольшой отрезок пути, и вот впереди, сквозь разводы дождя, начал вырастать гигант, закрывающий весь горизонт, окаймленный калейдоскопом движущихся огней, взмывающий языками небоскребов- ревуший, всепоглощающий, самодостаточный... И в океане этих вспышек, грохотов и мельканий поблек и растворился Шапкинский лес, со всеми его полянами, оврагами и перелесками.

